

ХЕРРОН-МИЛЛС

СТАНЦИЯ
БРИДЖХЕМПТОН
—
БРУКЛИН

Домик Анны у бассейна

Качиши

Маслохля

Уиндбергер

Кровельки
коттедж

ЛИНДЕН-ЛЕЙН

Дом
Мартины
Джексон

Карты-мороженое
Джексонсов

Кинотеатр

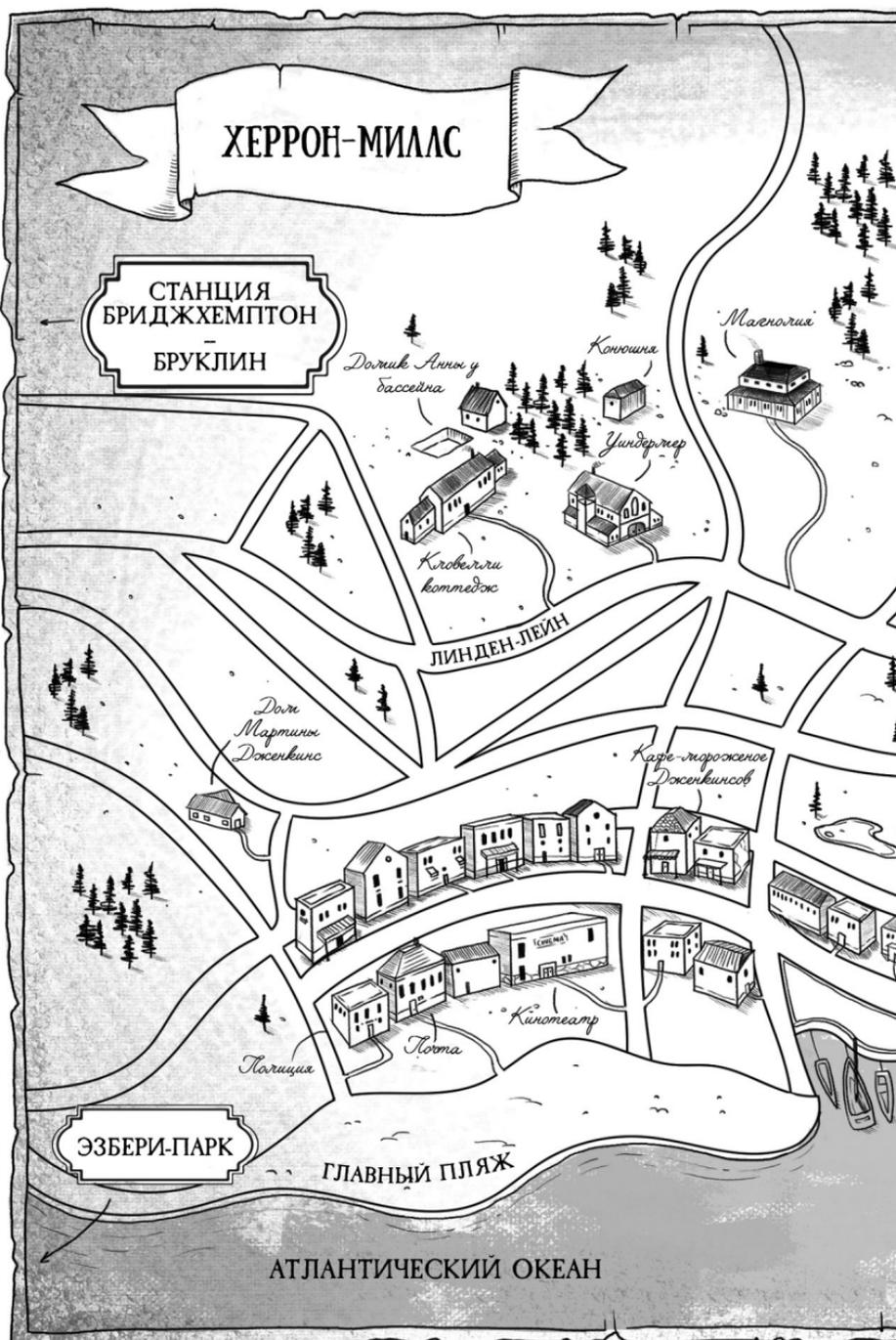
Палатки

Поста

ЭЗБЕРИ-ПАРК

ГЛАВНЫЙ ПЛЯЖ

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

ЗАЛИВ
САГ-ХАРБОР
СЕВЕРНЫЙ
«ЗУБЕЦ»

МОНТОК

Сибирск

Мелья-
Трой

Красная Церковь

Площ
Баш

Историческое
общество

Дом
Джейкоба
Трейнера

МЕЙН-СТРИТ

Мелочица
Аргива

Озеро
Лоджии

ПАРК ПЭРРИЦ

ПРИЧАЛ
УАЙТ-СЭНД

АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН

ЧАСТЬ I

Деревня

Очень трудно удержаться на грани между прошлым и настоящим. Вы меня понимаете?

Эдит Бувье Бил. Д/ф «Серые сады»

1

СЕЙЧАС

Август

*Полицейское управление Херрон-Миллс-Вилидж,
Лонг-Айленд, Нью-Йорк*

— Анна? Мы ведем запись.

Камера отрывается от длинной щели в линолеуме на полу и поднимается, остановившись на сжавшейся фигурке девушки. Она сидит на самом краешке шаткого металлического стула — обрезанные шорты лишь едва касаются некогда голубой обивки сиденья. Короткая маечка — яркое красное пятно в блеклом помещении. Девушка обхватила руками талию, словно стараясь казаться меньше или скрыть красный цвет одежды бескровной бледностью своей кожи. Склонив голову, она смотрит на собственную обувь, и ее лицо скрывает густая завеса спутанных черных волос.

— Ты меня понимаешь, Анна? Камера включена.

Белая метка в нижнем левом углу экрана показывает: 5 августа, 21:02.

— Да.

— Хорошо...

Голос за камерой принадлежит женщине, но в нем не чувствуется ни доброты, ни заботы, ни других черт, которые обычно приписывают женщинам как нечто обязательное. Слова детектива Холлоуэй звучат резко, словно высечены из камня. Она наводит камеру на себя, называет дату и время и говорит, что ведет запись беседы с Анной Чиккони, несовершеннолетней, которая в настоящее время не находится под арестом. Потом она обращается к Анне:

— Пожалуйста, повтори все, что ты рассказала мне и помощнику детектива Мейси.

Третий человек в помещении едва виден в кадре. Помощнику детектива Мейси под тридцать, и сидеть на месте столько часов подряд ему непривычно. Он нервно ерзает в кресле на колесиках за небольшим столом по диагонали от Анны, давая старшей коллеге возможность руководить процессом. Последние шесть часов он по большей части оставался в стороне, время от времени бегая к автомату за газировкой и чуть лежалыми кукурузными чипсами. Наблюдая. Делая заметки.

Не было ни родителей, ни юристов. Связаться с отцом девушки не было возможности — впрочем, не первый год. Кто-то позвонил матери девушки, но только после того, как Анна побывала на месте, где обнаружили тело. Глория Чиккони была уже в пути, но поездка через весь Лонг-Айленд займет у нее больше двух часов, а сначала еще надо было выкрутить руки соседу, чтобы тот одолжил

свою машину. Анне сказали, что матери позвонили сразу же, но никто этого не сделал. То ли по ошибке — понадеялись друг на друга, то ли нарочно. Возможно, девушке стоило отказать говорить с детективами до приезда матери. Возможно, в присутствии разъяренной Глории все вышло бы иначе. Но не сложилось.

Анна приучилась делать все сама. Она научилась не рассчитывать, что взрослые станут читать ей нотации или вытаскивать ее из неприятностей. В которые она влипала часто. Она привыкла к холодному безразличию матери ко всем ее неудачам. С чего бы ей ожидать, что в этот раз все будет по-другому?

Детектив выходит из-за камеры, убедившись, что та работает как надо, и садится на пустующий стул рядом с Анной. В кадре видно, что она сидит очень близко. Слишком близко, чтобы девушка чувствовала себя уютно, и заметно, что она чуть сдвинулась вправо.

— Давай, — повторяет детектив Холлоуэй. — Повтори то, что ты только что рассказала.

— О Зоуи?

Девушка поднимает голову, волосы спадают в стороны, открывая потрескавшиеся губы, темные круги под настороженными зелено-голубыми глазами. Ее и без того бледное лицо кажется почти мертвым в белом свете светодиодных ламп — одного из недавних приобретений полицейского управления Херрон-Миллс-Вилидж.

— Почему бы не начать с начала? — на самом деле это не вопрос; детектив Холлоуэй протягивает

руку к Анне, потом, передумав, опускает ее на металлический подлокотник стула. — С новогоднего вечера.

— Хорошо...

Голос Анны звучит немного странно, хриловато. На записи кажется, будто она простужена, но на самом деле все из-за того, что она несколько часов разговаривала с полицейскими, прежде чем кто-то сообразил записать беседу. Они с детективом Холлоуэй устроили настоящий танец. Анну привезли сюда в середине дня, потрясенную, но полную решимости, которая быстро улетучилась в стенах полицейского участка. Если бы в этом помещении были окна, она бы знала, что на улице уже больше часа как стемнело.

— Мы начали праздновать у Кейли. Рано, где-то в половине седьмого. Она живет в пяти кварталах от моей мамы, в Бей-Ридж...

— Это в Бруклине?

— Ага. Да, в Бруклине. Мы... мы часто начинаем у Кейли. Отца у нее тоже нет, а мать работает в ночную смену. Обычно мы выпиваем у нее пару часов, потом идем гулять. Встречаемся со Старр и с другими. Нас знают в некоторых окрестных барах. Или садимся на поезд и едем на Кони-Айленд. Там танцуем.

— Туда вы и поехали в тот вечер под Новый год? На Кони-Айленд?

Лицо у детектива Холлоуэй все еще гладкое, хоть ей уже и сорок. Но в уголках глаз заметны комочки туши, а язык и зубы начинают покрываться сухой пленкой. Они сидят здесь с трех часов, и ей хочется

поскорее все закончить. Посадить девчонку под арест.

— Ага... Но на танцы не пошли. Я доехала только до квартиры Старр. Она старше — ей двадцать два или около того. Она типа взяла нас с Кейли под свое крылышко в прошлом году, пока не переехала в Орландо.

— Когда это было?

— Вскоре после Нового года. Старр нашла там работу в одном из парков.

— Хорошо. Но в тот вечер ты с Кейли и Старр была в ее квартире на Кони-Айленд.

— И еще с парой человек. Иен — вроде как бойфренд Кейли. И еще тот парень, Майк, из местных.

— Из местных?

— Ну, из бруклинских. Не из нашей школы, — Анна тянет распушенную нитку на обресе шорт, пока та не обрывается.

— Понятно. А когда ты ушла из квартиры Старр?

Анна на секунду умолкает. Она наклоняется вперед, опираясь локтями на голые коленки, и волосы снова скрывают ее глаза. Она выглядит моложе своих семнадцати, кажется совсем маленькой в жадном окое видеокамеры и в величественном присутствии двоих взрослых в форме.

— Наверное, в девять или в половине десятого.

— Наверное или так и было? — резким голосом спрашивает детектив.

Голос Анны, напротив, слышится едва слышным бормотанием — свисающие волосы заглушают слова:

— Точно не помню. Но если я поехала в Херрон-Миллс и была там к полуночи, то должна была выйти в это время. Или даже раньше, если поехала поездом.

Детектив тихо вздыхает.

— Хорошо. Что ты помнишь?

Она сидит, откинувшись на спинку своего стула, но ее ладонь лежит на подлокотнике стула Анны.

— Мы были на балконе Уиндермера. На длинном, который идет по фасаду на третьем этаже.

— Кто «мы», Анна?

— Я с Кейли. И Зоуи.

— Вы были только втроем?

— Только втроем.

— А где были Толботы?

— В городе. Кажется, у своей подруги, Дорин. Не дома.

Детектив Холлоуэй смотрит на Анну. Девушка не отводит взгляд.

— Хорошо, продолжай.

— Мы пили виски. «Гленливет», хороший. Лучшее, чем мы с Кейли могли бы купить сами, — в ее словах на мгновение проступает легкая, едва заметная горечь. — Кейден всегда держит бутылку про запас в пустующем стойле в конюшне Уиндермера. Думаю, там мы ее и взяли.

— Ты думаешь или помнишь?

— Думаю. Помню только, как мы пускали бутылку по кругу, стоя на балконе.

— А кто пил пиво? — спрашивает детектив.

— Что? — Анна вскидывает подбородок, и волосы снова разлетаются в стороны; секунду она

смотрит в глаза старшей женщине, потом снова опускает взгляд на бледные колени.

— Ты сказала мне, что вы пили виски и пиво.

— Разве? — на записи видно, как Анна прикусывает губу, потом проводит языком по растрескавшейся коже. — Наверное, — говорит она, чуть помолчав. — Я пила уже несколько часов, плохо помню. Думаю, пиво у нас тоже было.

— Расскажи, что произошло с Зоуи, — говорит детектив Холлоуэй.

Она поднимает руку и слегка касается плеча Анны. Анна, кажется, не замечает, не реагирует. Ее взгляд рассеян, но когда она начинает говорить, голос звучит четче, чем прежде.

— Там низкие ограждения. Вам только по бедро будет, наверное. Мы там возились, все втроем. Помню, Кейли меня ущипнула, типа чтобы я не заснула. Наверное, я уже почти вырубалась. Помню, как смеялась Зоуи. У нее такой заразительный смех — словно серебряный колокольчик. От него внутри становится так тепло...

— И как же она упала, Анна? — детектив Холлоуэй довольно резко сдавила плечо девушки.

— Ох...

Анна на мгновение подняла взгляд, но посмотрела не на детектива, а прямо в камеру. Она словно начала понимать, где находится. Что она собирается сказать.

— Кейли вошла в дом. Думаю, она хотела принести что-нибудь закусить. Мы с Зоуи остались на балконе. Помню, мы боролись в шутку, руки у нас были переплетены. Мы смеялись. Было весе-

ло, но потом меня стало тошнить. Наверное, я отпустила ее руки.

— Думаешь? Ты должна говорить правду, Анна, — ее слова режут воздух, и Анна чуть морщится.

— Я помню, как она ударилась об ограждение балкона. Оно было слишком низким. У нее подогнулись колени, и она вроде как полетела.

— Хватит красотостей, — оборвала ее детектив Холлоуэй. — Просто скажи правду.

— Она упала спиной вперед на газон, — в глазах Анны вспыхивает какой-то дикий огонек, потом меркнет, и ее зрачки снова теряются в темноте, окружающей усталые глаза.

На мгновение все замолкают. Анна крепко сцепляет сложенные на коленях руки.

— Когда я спустилась... Не помню, как увидела ее тело. Помню только, что меня охватил холодный ужас: она действительно мертва, и это моя вина. Еще я никак не могла найти ее сумочку, она исчезла. Не знаю, почему это казалось мне важным.

Помощник детектива Мейси резко встает. Стул откатывается на колесиках и врезается в стену. Анна и детектив Холлоуэй смотрят на него, будто только что вспомнили о его существовании.

— Ты ее толкнула? — голос у него тонкий, но громкий.

Анна резко вдыхает:

— Нет.

— Я спрашиваю еще раз...

Он делает три шага, сокращая дистанцию. Он нависает над Анной, худой, мускулистый. Его

брюки слишком широки в бедрах и слишком коротки на щиколотках. В кадре он виден только по плечо — безликая угроза.

— Ты. Ее. Толкнула?

— Н-нет... — впервые Анна начинает запинаться. — Мы просто возились. Я выпустила ее руки.

Детектив Холлоуэй бросает резкий взгляд на младшего напарника, и тот отступает на шаг.

— Что было дальше, Анна? — спрашивает она.

— Наверное, я увезла ее к озеру.

— Ты увезла Зоуи. Одна.

— Да.

— На какой машине?

Анна смотрит на свои ладони, словно надеясь увидеть в них ответ.

— Не помню. Может быть, на машине Зоуи. Может быть, на машине кого-нибудь из Уиндермера. У них там у всех есть машины. А миссис Толбот частенько забывает запирать замки.

Детектив Холлоуэй издает еле слышный хрюкающий звук.

— А что ты *помнишь*, Анна?

Анна делает глубокий вдох.

— Помню воду. Серую и тусклую. Как будто на старой машине стерлась вся краска. Помню, как стояла на коленях на берегу и смотрела на воду, когда она уже погрузилась. Помню, как холодно было той ночью, как резкий и сырой ветер хлестал по щекам. Но лучше всего я помню чувство вины, сдавившее так сильно, что было тяжело дышать.

Детектив молчит немного, осмысливая слова Анны.

— Вернемся немного назад, — наконец говорит она. — Как ты утопила ее тело вместе с лодкой?

Анна прикусила нижнюю губу:

— Вот этого я не помню.

— Постарайся вспомнить, — резким голосом сказала детектив Холлоуэй.

— Натаскала воды ведрами?

— А еще?

Девушка задумалась:

— Навалила камней?

Детективы переглянулись.

— Хорошо. Каких камней?

Анна молчит, стиснув зубами кусочек кожи, отставший от пересохших губ.

— Из Уиндермера, думаю. Наверное, нашла на земле какие-нибудь булыжники и сложила в багажник.

Она задумчиво тербит между пальцами еще одну нитку от шорт, пока помощник детектива Мейси что-то записывает в лежащий перед ним блокнот.

Детектив Холлоуэй откашливается и встает. Атмосфера в помещении сразу меняется.

— Расскажи подробнее о своих отношениях с Зоуи, — теперь ее голос звучит мягче, обходительнее. — Как вы познакомились?

— Мы дружили, — беспомощно отвечает Анна.

Она снова бормочет, пытаясь что-то скрыть.

Детектив Холлоуэй сцепляет ладони за спиной, демонстрируя терпеливость.

— Вы давно были знакомы?

Простой вопрос. Но Анна не хочет отвечать или не знает, что ответить.

— Спрошу иначе. Как вы познакомились с Зоуи?

— Думаю... — голос Анны затихает. — Будет проще, если я покажу. У меня в телефоне.

Это что-то новое. У детектива Холлоуэй загораются глаза. Она кивает напарнику, и тот достает телефон Анны из небольшой пластиковой корзинки на единственном в этом помещении столе.

— Где искать? — спрашивает он.

— В мессенджере. Это внизу первого экрана. Похож на маленькую молнию.

Помощник детектива Мейси хмыкает, потом открывает приложение. Он приседает рядом с Анной, держа телефон между ними.

— Нужно промотать вниз, — говорит Анна. — Вот. Наверное, будет проще, если я... — она смотрит на детектива Холлоуэй, прося разрешения.

Анна осторожно берет телефон из рук младшего детектива, потом начинает проматывать месяцы бесед.

— Вот, — она тычет пальцем в декабрьскую беседу — два сообщения от Зоуи Спанос от 10 и 28 декабря.

На время в помещении воцаряется полная тишина, пока детективы изучают сообщения погибшей девушки. Анна сидит, затаив дыхание.

Когда телефон убран, сообщения тщательно разобраны по косточкам и занесены в дело, помощник детектива Мейси вернулся на свой стул, а детектив Холлоуэй присела рядом с Анной, лишь тогда девушка решается вдохнуть полной грудью.

— Ты больше ничего не хочешь нам рассказать? — спрашивает детектив.

Чуть помолчав, Анна поворачивает голову и смотрит старшей женщине в глаза.

— Нам обеим нравилось одно стихотворение Теннисона. Вы его знаете? «Волшебница Шалот».

У самого края кадра видно, как медленно встает помощник детектива Мейси. Его старший партнер смотрит на него: *не спеши!*

— Расскажи мне о стихотворении, Анна, — говорит она.

— Она живет в своем замке на острове недалеко от Камелота. И она обречена сидеть у ткацкого станка и ткать лишь то, что видит в своем зеркале — для нее это что-то вроде окна, отражающего окружающий мир, — она прерывается. — Наверное, я как-то не так объясняю.

— Все хорошо, — успокаивает ее детектив Холлоуэй. — Продолжай.

— Э... Вот леди видит в зеркале пару новобрачных и хочет того же, что есть и у них. Они настоящие, а у нее есть только тень реальной жизни. А потом она видит сэра Ланселота, оборачивается, выглядывает в окно, и от этого срабатывает проклятие. Она обречена, но все же выходит из замка, находит лодку и отправляется в Камелот, хотя и понимает, что умрет до того, как доберется туда. Лодка становится ее могилой.

Долго — так долго, что кажется, будто произошел какой-то сбой, на записи не слышно ни единого звука, кроме шуршания форменных брюк помощника детектива Мейси, неловко ерзающего на стуле.

— И ты нашла для Зоуи лодку? — спрашивает детектив Холлоуэй певучим голосом, в котором не осталось и следа прежней резкости.

— Наверное, я подумала, что она сама бы так хотела. Наверное, я пыталась все исправить.

— Исправить? — повторяет детектив вслед за Анной.

— В каком-то смысле. После того, что я натворила. Это вышло нечаянно, но... я убила Зоуи Спанос.

2

ТОГДА

Июнь

*Двумя месяцами ранее...
Станция Бриджхемптон,
железная дорога Лонг-Айленда
Лонг-Айленд, Нью-Йорк*

Не знаю, почему мне кажется, что станция должна быть прямо на берегу океана. Двери вагона раздвигаются под тонкие крики чаек. Соленый туман. Кожу щиплют песчинки, взметаемые морским бризом. *Добро пожаловать!*

Вовсе нет. Когда я выхожу на платформу в Бриджхемптоне, двери закрываются, и под моими шлепанцами оказывается грязная полоска бетона. Передо мной — станция размером со спичечный коробок. Через окно видно пару скамеек и автомат для продажи билетов. По всей длине платформы в обе стороны на многие метры тянутся окрашенные зеленым поручни, за которыми открывается вид не на океан, а на парковку.